

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей – за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии.»

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

• ГРУППА • СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Александр Александрович Тамоников
Группа специального
назначения
Серия «Спецназ Берии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42542896
Группа специального назначения / Александр Тамоников: Эксмо;
Москва; 2019
ISBN 978-5-04-104611-8

Аннотация

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии».

Общий тираж книг А. Тамоникова – около 10 миллионов экземпляров.

Еще в застенках Лубянки майор Максим Шелестов знал, что справедливость восторжествует. Но такого поворота судьбы, какой случился с ним дальше, бывший разведчик не мог и предположить. Нарком Берия лично предложил ему возглавить спецподразделение особого назначения. Шелестов соглашается: служба Родине – его святой долг. Группа получает задание перейти границу в районе Западного Буга и проникнуть в расположение частей вермахта. Где-то там засел руководитель

шпионской сети, действующей в приграничном районе. До места добрались благополучно. А вот дальше началось непредвиденное...

Шел июнь 1941 года...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	41
Глава четвертая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Тамоников

Группа специального назначения

Глава первая

Машина переваливалась через кочки, буксовала в жидкой грязи. К ночи прояснилось, мерцали звезды. Тарахтел надсаженный мотор. В свете полной луны выделялись очертания «ГАЗ-4» – кабина, как у полуторки, укороченный кузов, малая грузоподъемность. Кузов был затянут брезентом.

Машина проползла вдоль леска и встала. Водитель выключил зажигание. Стало тихо. Только справа от дороги глухо ухал филин, стрекотал полуночный кузнечик под завалившейся оградой хуторских строений.

– Тиха украинская ночь... – пробормотал молодой водитель в кепке, озираясь по сторонам.

– Тиха, – согласился коренастый пожилой мужчина со щеточкой седых усов. – Только здесь тебе, Фомин, не Украина.

– Да знаю я, товарищ капитан, так, к слову пришлось...

Пассажир потянул носом, прислушался. Не нравилось ему это дело – привередлив стал, во всем подвох видел. Слишком легко все складывалось: вот клиент на блюдечке, подхо-

дите и берите. Только и дел-то – набраться терпения да лишних звуков не издавать. Он повернул голову, отодвинул за-слонку за спиной.

– Все к машине...

Двое высадились из кабины, трое – из кузова. Все носили штатское, все – молодые, крепкие. Оперативники достали пистолеты, ждали дальнейших указаний. На открытом месте не маячили, отступили за кузов, настороженно озирались.

Умолк филин в чаще. Кузнечик в траве продолжал беззаботно стрекотать. Дул прохладный ветерок – по ночам в это время года было не жарко.

– Все тихо, товарищ капитан, – прошептал кто-то. – Не похоже, что нас здесь накормят и напоят.

– Пива нет, – пошутил другой.

– Разговорчики, – буркнул капитан.

Он колебался, чувствуя предательскую нерешительность. Странно все как-то складывалось. Но нет, он, старый опытный лис, почуял бы подвох сразу. Тем более надежный человек подкинул этот адресок в необитаемой глуши приграничного пространства.

– Фомин, остаться у машины, – негромко приказал капитан. – Как зайдем во двор, переставь ее вперед метров на сто, замаскируй за дорогой, чтобы не маячила, и бегом к нам. Да не торчи тут, как тополь, сгинь куда-нибудь.

– Есть, товарищ капитан...

Четверо пересекли заросшую подорожником колею, рас-

средоточились за плетнем. Ограда была ветхая, свое уже отслужила – не являлась больше ни преградой, ни украшением. Обитатели хутора давно съехали: приказ по пограничному округу полуторагодичной давности – освободить от населения территории в непосредственной близости от границы. А она совсем рядом – на западе за маленьким леском обрывистый спуск к воде. Середина фарватера – граница. Буг – река полноводная, глубокая, хотя и не широкая – метров семьдесят от берега до берега...

Группа растянулась вдоль дощатого строения. Завалинка осыпалась, крыша просела. Распахнутые ставни держались на честном слове. В окнах кое-где сохранились стекла.

– Внимание сюда, товарищи оперативники, – проговорил капитан. – В доме как будто никого, но убедиться надо. Осмотреть окрестности, двор, сараи. Как осмотрим, устраиваем засаду. Один на улице, двое – на чердак, остальные... куда там – за печку? Романчук, я сказал что-то смешное? Упыри через пару часов придут. У них тут вроде перевалочного пункта. Есть информация, что они этот хуторок постоянно используют. Наши сюда почти не приезжают, местечко уединенное, опять же крыша над головой...

– Товарищ капитан, может, лучше на границе их подождать? – неуверенно заметил худощавый оперативник. У него в полумраке настороженно поблескивали глаза. – Придут сюда или нет – вилами на воде писано, а там мы их враз засечем...

– Не фантазируй, Мищенко, – поморщился старший, – не засечешь. Длинная у нас граница, батальона не хватит, чтобы перекрыть весь подозрительный участок. Ты же не думаешь, что они напротив хутора переправятся, да в полный рост с песнями пойдут? А здесь мы их точно накроем. Давай, Мищенко, вперед, осмотри хату, двор, да помни: береженого бог бережет...

Оперативник что-то буркнул в ответ, приподнял тяжелую жердину плетня, перекатился в палисадник, почти не издав при этом шума. Пригнувшись, обогнул молоденькую липу. Потом присел и направился к хате на четвереньках.

– На полный ход перешел, – сострил кто-то.

Мищенко замер, потом перекатился за угол и пропал в слепой зоне. Люди молчали в ожидании. В окружающем пространстве ничего не менялось.

Капитан обернулся. За капотом машины переминался с ноги на ногу Фомин. В зыбкой и тревожной тишине прошло несколько минут.

В доме скрипнула половица. Оперативники затаили дыхание. Что-то упало, покатилося. Капитан выругался сквозь зубы. Снова что-то скрипнуло, но уже глухо. Луч фонарика мелькнул в одном окне, потом в другом. Прошла еще минута. Наконец знакомый силуэт выскользнул из-за угла и махнул рукой.

– Все в порядке, товарищ капитан, пусто в доме. И во дворе никого, в сараи я не заходил, там черт ногу сломит...

Старший группы перевел дыхание. Примерещится же всякая бесовщина – накрутил себя. Мелькнула мысль: «Нахрапом работаем, наудачу, не оповестив вышестоящее начальство. Ладно, победителей не судят...»

Он первым перебрался за чахлый палисадник, за ним последовали остальные.

Когда за углом хаты исчез последний человек, Фомин, оставшийся у машины, расслабился, подтянул рукав, под которым прятал тлеющую папиросу. Затянулся в последний раз, растоптал окурок. Машинально похлопал по карманам – пусто, ключи от зажигания остались на сиденье. Машину следовало отогнать. Он двинулся вокруг капота и вдруг застыл. Тихий звук за спиной в кустах – словно веточка под ногой переломилась. Екнуло сердце, он начал оборачиваться, сунул руку в карман, но упустил драгоценное время! Второй оплошности враг себе не позволил.

Человек выкатился из кустарника, набросился сзади на опешившего оперативника. Крик застрял в горле, сильная рука сдавила шею. Перехватило дыхание, револьвер выскользнул из ослабевшей руки на землю. Он ударил локтем назад – тоже оружие. Но локоть пробил пустоту, а в следующий миг неизвестный провел ножом по горлу Фомина. Тело обвисло, забилося в судорогах. Фомин еще мог хрипеть.

– Тихо, товарищ, тихо, – вкрадчиво урчал убийца. – Все хорошо...

Следующий удар пробил трахею – брызнула кровь. Фомин

повалился под капот, продолжая подрагивать. Убийца схватил его за воротник, отволол подальше от проезжей части...

Группа капитана рассредоточилась во дворе. Он был фактически замкнутый – большой пустырь, поросший сорняками и заваленный мусором, пара сараюшек в глубине двора, просевший амбар. Дровяная поленница перед ветхим сараем. Вход в дом находился здесь – крыльцо провалилось, торчали доски. Справа от крыльца лежала пара заржавевших бочек, непригодных для хозяйства, развалившаяся телега. Позади строений чернел лес.

– Растянуться, не маячить... – сипло командовал капитан. – Романчук, Гуревич – внутрь... – Он присел, напряженно всматривался в очертания сараев. Снова кольнуло в сердце – какое-то дурацкое чувство незащитности... – Эй, Мищенко, а ну, присел...

Две тени скользнули к крыльцу. Романчук споткнулся, ругнулся сквозь зубы.

– Товарищ капитан, вы слышите, чтобы Фомин машину уводил? – выдохнул Мищенко. – Вроде должен уже. Ключи, что ли, потерял?

Предчувствие опасности сдавило грудь. Да это же засада, ядреный корень! Поздно ты все понял, старый дурак!

Романчук и Гуревич уже подбегали к крыльцу.

– Мужики, назад! – ахнул капитан. Все подстроено, их заманили в ловушку! А Мищенко, пока тот шарил по хутору, трогать не стали – больно мелковата мишень.

И в этот момент разразилась суматошная автоматная пальба! Стреляли как минимум с трех точек. Оперативники попали под перекрестный огонь. Люди метались, кричали. Гуревича сразило наповал – он покатился с крыльца, зарылся носом в землю. Романчук присел от неожиданности, метнулся в дом. Пули раскрошили косяк рядом с ухом. Он прыгнул через порог. Из дома грянула другая очередь – плохо Мищенко его осматривал! Там тоже кто-то прятался. Романчук далеко не ушел, пули прошли ему грудь. Верхняя часть туловища вывалилась на крыльцо, ноги остались за порогом.

Мищенко нырнул за бочку, пуля попала в голень, уже на излете. Он возился в грудe железа, стонал от боли, полз за бочку, отталкиваясь здоровой ногой.

Капитан метался по двору, рыча от бессилия. Прыжок – он покатился за остов телеги, демонстрируя неплохую для своего возраста прыть. Пистолет он не выронил, но повредил левую руку – от боли в плече глаза полезли из орбит. Капитан выматерился, скорчился в три погибели, пришлось опереться на пострадавшую конечность – и чуть сознание не потерял от ослепляющей боли.

В мозгах сумятица. Запорол дело, допустил грубейшую ошибку, погубил людей, да и себя, похоже... Автоматчики перезарядили оружие, снова открыли огонь из укрытий. Режим тишины их больше не волновал – местечко отдаленное, если и услышат, то среагируют не сразу. Пули крошили зем-

лю, выбивали щепки из остова телеги. Долго так не выдержать – телега насквозь дырявая и не железная!

Капитана трясло, он не думал о себе. По-любому конец. Он попытался высунуться, хоть что-то разглядеть, сориентироваться по вспышкам. Пуля свистнула рядом, оторвала мочку уха. Кровь полилась за воротник, но капитан не чувствовал боли. Он рычал, как медведь, рука висела плетью, он стал стрелять, не видя мишеней, – вспышки плясали перед глазами, вертелись каруселью. Очередь пропорола грудь у солнечного сплетения, еще одна пуля пробила лобную кость. Капитан повис на переломанной оглобле, кровь ручьями потекла в притоптанную траву...

Пальба прервалась. Послышались щелчки – бандиты меняли опустевшие магазины. Стрельбу вели из советских «ППШ» – совсем недавно поступивших на вооружение. Двор озарялся лунным мерцанием.

Из полумрака появились стрелки. Зашевелился силуэт в районе амбара, выступил вперед. Обрисовалась голова за поленницей с дровами. Из-за угла, со стороны дороги, возник третий – тот, что зарезал Фомина. Заскрипела половица в доме, четвертый отодвинул ногой перегородившего проход Романчука, но выйти не успел, отпрянул к косяку. Снова грянули выстрелы! Раненый Мищенко нашел в себе силы подняться и теперь выпускал пулю за пулей в ближайшую мишень. Стонал раненый за поленницей, его отбросило к сараю, он сползал по стене. Остальные запоздало среагирова-

ли, но снова открыли огонь. Пистолет загремел в пустую бочку, Мищенко осел на землю, затих.

Злоумышленники глухо ругались по-русски, подходили ближе. Тот, что прятался за углом, побежал к раненому. Высунулась голова из дома, выбрался приземистый тип в длинной овчинной безрукавке. Он поднял автомат, прошил очередью тело под ногами – Романчук еще подавал признаки жизни.

Бандит спрыгнул с крыльца, бросил пару слов идущему от амбара сообщнику – рослому, подтянутому. Тот односложно ответил, ткнул ногой мертвого Гуревича, убедился, что с Мищенко все кончено. Схватил за шиворот висящего на оглобле капитана, опрокинул на землю. Пнул в сердцах:

– Спокойной ночи, товарищ капитан, в следующий раз умнее будете...

Они побрели за пленницу, где третий сообщник возился с раненым. Вспыхнул фонарь. Это был еще молодой худощавый мужчина с глубокими залысинами. Лицо посерело, сморщилось от боли. Пуля пробила левый бок. Сочилась кровь. Раненый тяжело, со свистом дышал, блуждали мутные глаза.

– Леонтий, ты как? – рослый мужик опустил на корточки, уставился на раненого.

– Все нормально, Архип, это не смертельно... – с хрипом выдавил пострадавший. – Перевяжите чем-нибудь... вот черт, столько крови потерял...

Он начал материться слабеющим голосом, откинул голову. Кровь сочилась сквозь пальцы, пропитывала рубашку, брюки. Сообщники переглянулись. Перевязывать рану было нечем. Пошарить в машине оперативников? Но сколько времени это займет?

– Терпи, Леонтий, все нормально будет, – пообещал рослый. – Берите его, тащите к лесу, там что-нибудь придумаем. Да живее давайте, не всю же ночь тут торчать.

Подельники взяли раненого за руки и за ноги. Обогнули сарай, понесли в поле. Приземистый тип постоянно спотыкался и выражался «по матери». Рослый досадливо поморщился – мелочь, а все же неприятно. Он встал с корточек, осветил фонарем землю. Снова поморщился, свалил с поленицы верхний слой заплесневелых осиновых чурок, сбросил ногами. Подумал – еще навалил. Хоть как-то эту лужу прикрыть. Посмотрел по сторонам – все тихо. Есть же в летних белорусских ночах свое особенное очарование...

Луна освещала мертвые тела приглушенным светом. Небритые губы субъекта исказила ухмылка. Он закинул автомат на плечо и поспешил за своими...

Глава вторая

– Заключенный, на выход! – прогремело с порога.

Полный охранник в новенькой форме, с двумя треугольниками в красных петлицах, показался на пороге камеры, надменно посмотрел на единственного ее обитателя. Спать в это время суток запрещалось. Да и какой тут сон, если много дней – сплошная бессонница.

Человек в арестантской робе поднялся с нар. Плечистый, ростом выше среднего, волосы колтуном, с редкими седыми прядями. Кожа серая, глаза запали. Он сильно сутулился, передвигался неуверенно.

Надзиратель посторонился, пропуская сидельца. В коридоре стоял еще один, автоматчик, он тоже внимательно посмотрел на арестованного.

– К стене! Руки за спину!

На запястьях защелкнулись наручники. Разве тут сбежишь или помашешь кулаками? Сил осталось – разве что признательные показания подписать. Полный осмотрел камеру – не такие уж вместительные квадратные метры, ободранные стены без окон, скомканный матрас, параша в углу – каждое утро заключенный под конвоем выносил ее самостоятельно. Хмыкнул, прикрыл стальную дверь с двумя оконцами – для надзора и подачи пищи.

– Вперед! – прозвучала команда.

Заклученный потащился по давно освоенному маршруту. Внутренняя тюрьма НКВД в Варсонофьевском переулке не отличалась ухоженностью и домашним уютом. Все серое, казенное. Подъем по винтовой лестнице в кирпичном мешке – надзиратель приотстал. Кто знает, что придет в голову этому выродку. Инциденты редки, но все возможно.

Уровнем выше были те же серые стены, лампы в мутных плафонах, часовые в форме НКВД с каменными лицами. Подавляла сама обстановка, даже если ничего не происходило. Помещение для допросов располагалось недалеко от лестницы.

– Лицом к стене! – приказал надзиратель и постучал в дверь. – Разрешите?

Помещение было просторным. В футбол не поиграешь, но развернуться можно. Табуретка перед столом. Следовательно новый: лысоватый, опухший, с маленькими глазками.

Заклученный помялся на пороге – куда, интересно, подевался предыдущий следователь? Тоже арестован и уже дает признательные показания, раскрывая свою контрреволюционную суть?

Конвоир незатейливо подтолкнул его в спину.

– Спасибо, можете идти. – Человек в форме оторвался от бумаг, мельком глянул на арестанта. – А вы, пожалуйста, присядьте... – Он заглянул в лежащее под рукой дело. – Максим Андреевич...

Заклученный, кряхтя, пристроился на табурете. Неудоб-

но сидеть со скованными за спиной руками. После предыдущего допроса болели суставы. «Стреляла» боль в лобной части головы.

Следователь разглядывал доставленного врага народа – пока нейтрально, без предвзятости – как обычную вещь. Под глазом у заключенного синела припухлость – пару дней назад она была ярче и болела сильнее. Разбитая губа обросла коркой, но уже не саднила. Но все время хотелось ее облизать.

– Добрый день, гражданин Шелестов, – сказал следователь. У него был неприятный голос и неспешная манера общения. – Моя фамилия Хавин, я старший следователь Главного управления Наркомата Государственной безопасности, буду вести ваше дело. Надеюсь, с вашей помощью мы доведем его до победного конца. Следователь Каширин, с которым вы общались ранее, переведен на другую работу. Теперь вам придется общаться со мной.

Заключенный молчал. Его мало волновало, с кем общаться. До февраля 1941-го они представлялись следователями Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР. Теперь управление вывели в самостоятельный наркомат, отчего заключенным было ни холодно ни жарко.

Шелестов с трудом разлепил пересохшие губы:

– Наручники снимите... Я на вас не брошусь, не бойтесь...

– За какие, позвольте спросить, заслуги? – Хавин манерно

приподнял клочковатые брови. – Может, еще попросите прекратить физические воздействия, предоставить особые условия проживания, скажем, ввиду вашего крайне болезненного состояния? Уверяю вас, гражданин Шелестов, ваше состояние не настолько болезненное. Но мы же не будем доводить до греха, верно? Так что давайте без просьб и пожеланий. Захотите что-нибудь подписать – тогда другое дело...

Он еще не вышел за пределы такта, но в глазах уже поблескивали льдинки. Арестант молчал. За восемь месяцев заключения он повидал немало подобных лиц. Были нервные, резкие, были спокойные, даже интеллигентные, с приятными манерами. Попадались занудливые канцеляристы. Но суть у всех была одна, она не менялась – ни с корректировкой курса партии, ни с личностью наркома.

«Позапрошлый» нарком внутренних дел Генрих Ягода был не подарок к Новому году, но в сравнении со сменившим его Ежовым – милый и не опасный человек. Ежов выкосил весь аппарат Ягоды – приговоры при этом не отличались разнообразием – обезглавил и ослабил армию, прошелся катком по партийному и хозяйственному аппарату. Человек перестарался, не смог остановиться и поплатился именно за склонность к чрезмерности.

Сменившему Ежова Берии пришлось выкорчевывать весь аппарат предыдущего наркома, исправлять многое из того, что тот натворил. Но полностью остановить раскрученный маховик репрессий Лаврентий Павлович не мог (а может, и

не хотел) – что и испытал на собственной шкуре восемь месяцев назад Максим Шелестов...

– Вот читаю ваше дело и искренне удивляюсь, – покачал головой Хавин, – вы не желаете сотрудничать со следствием. Вину не признаете, сообщников по фашистской организации не называете. Продолжаете упрямо твердить, что ни в чем не виноваты, невзирая на изобличающие вас доказательства. Другой бы на вашем месте давно все подписал, признал и покался. Вы же... только время отнимаете у следствия. Признайтесь честно, вы изменяли Родине?

– Нет, не припомню... – слова давались с трудом. – Я никому и никогда не изменял, гражданин следователь... Даже собственной жене и даже в те моменты, когда имел на то основания...

– Ну, что ж, чувство юмора – это хорошо, – хмыкнул Хавин. – Удивлен, что вы его сохранили, искренне рад за вас. Надеюсь, это ненадолго. Хорошо. Итак, что мы имеем. – Хавин пододвинул к себе дело. – Шелестов Максим Андреевич, 1903 года рождения... хм, как мило, вчера у вас был день рождения, примите поздравления... Уроженец города Красноярска, учился в техническом училище, затем в среднем механико-строительном, имеет диплом техника-строителя... С 1928 года – в органах ОГПУ, затем перевод в военные структуры... Принимал участие в разгроме белокитайцев в 1929 году на Дальнем Востоке; за проявленное мужество представлен к ордену Красной Звезды... Если не оши-

баюсь, во время конфликта на КВЖД красными частями командовал враг народа Блюхер? – Следователь пристально смотрел в глаза заключенному. – Можете не отвечать, вопрос риторический. В ту пору заговорщик и изменник Родины рядился под порядочного советского военачальника. А вы командовали батальонной разведкой... Далее послужной список, можно сказать, безупречен. Участие в операции 1938 года на озере Хасан – на этот раз вам доверили разведку 119-го стрелкового полка... – Следователь хищно осклабился. – А командовал советскими войсками тот же маршал Блюхер, причем командовал из рук вон плохо, неоднократно нарушая приказы высшего командования и допуская непростибельные просчеты. Признайтесь, Максим Андреевич, к 1938 году вы уже были знакомы с Блюхером, выполняли его преступные приказы, состояли с ним в одной фашистской организации?

Спорить было бесполезно. Какие еще подтверждения нужны? Исчерпывающие и убедительные доказательства виновности. Придавили, как говорится, тяжестью улик. Василий Константинович на озере Хасан явно не покрыл себя неувядающей славой. Ошибки в руководстве операцией были налицо. Красная армия выполнила поставленные задачи, но делала это долго, тяжело, с большими потерями. Блюхер фактически провалил операцию. Предателем Шелестов его не считал, но ряд ошибочных действий признавал. По завершении операции Главный Военный совет РККА обнаружил

в состоянии Дальневосточного фронта крупные недочеты. Управление фронта расформировали, Блюхера отстранили от должности, обвинив в некомпетентности (а тот действительно смещал границы и ликвидировал важные оборонительные укрепления), а вскоре арестовали, обвинив в шпионской деятельности в пользу Японии. Сюда же добавили антисоветскую организацию «правых» и военный заговор.

Блюхера сломали – он все признал и подписал. Умер в камере в ходе следствия – тромб в легочной артерии, как объяснила судмедэкспертиза. Это не помешало задним числом лишить его звания маршала и приговорить к смертной казни – к упомянутым обвинениям добавили саботаж, пьянство на рабочем месте и моральное разложение. А выпить, если честно, Василий Константинович любил...

– Вы избежали ответственности осенью 1938-го, – бубнил следователь, – когда арестовали все ближайшее окружение Блюхера и воздали каждому по заслугам. Вас перевели в Ленинградский военный округ, и тогда у правосудия до вас не дошли руки. С 1939 года вы прикрывали свою преступную деятельность службой в Разведывательном управлении Генштаба. Арестовали вас только в сентябре 1940 года. Так, исключен из ВКП(б) за потерю классовой бдительности, уволен из РККА по служебному несоответствию... С тех пор следствие с вами безуспешно нянчится – детский сад какой-то, Максим Андреевич, право слово... – Хавин осклабился. – Какова же ваша истинная роль в побеге Люшкова?

Есть ряд убедительных доказательств, что именно вы помогали ему перейти границу.

Начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Люшков бежал к японцам летом 1938-го, когда понял, что ареста не избежать. Перешел границу в районе города Хуньчунь и сдался японским пограничникам. Политическое убежище ему с удовольствием предоставили. Дотянуться до ренегата советские разведчики не могли – его грамотно прятали. Молчать в эмиграции Генрих Самойлович не стал – активно сотрудничал с японской разведкой, «разоблачал» методы НКВД, сдавал внедренную агентуру.

– Извините, гражданин следователь, ничем не могу вам помочь в этом вопросе, как и вашим предшественникам... Люшкова не знал, мы служили в разных ведомствах...

– Серьезно? – удивился Хавин. – А как же вот это? – Он вынул из пухлого дела желтоватый листок. – Подробное донесение вашего тогдашнего коллеги капитана Круглова. Он лично видел вас с Люшковым в городском парке за день до его побега. Тот передавал вам бумаги, вы беседовали очень долго...

– Да, мне уже предъявляли эту бумажку... – проскрипел Максим. – Во-первых, я не мог разговаривать с Люшковым, поскольку не имел чести его знать. Во-вторых, в тот день я находился в распоряжении своей части. В-третьих, капитан Круглов в означенный день тоже не мог посетить тот злосчастный парк, поскольку отбывал наказание за драку на

офицерской гауптвахте. А писал это после своего ареста осенью 1940-го, когда уже не помнил таких мелких подробностей...

– Но вы-то запомнили? – Взгляд следователя пронзал, как шило.

– Разумеется, я сам их разнимал.

– Не надо юлить, Шелестов. – Следователь начал раздражаться. – Необоснованным репрессиям в нашей стране никого не подвергают. И ваши уловки в надежде сбить следствие с правильного пути никого не смутят. Ну, хорошо, будем считать, что мы с вами познакомились... – Следователь отодвинул дело и воззрился на арестанта. – Вы женаты?

– Уже нет... Жена умерла во время родов в 1937-м... Ребенка не удалось спасти... Второй раз я не женился...

– Родители?

– Только мать, проживает в подмосковном городе Видное, у нее вторая группа инвалидности... Об этом написано в деле...

– Не надо указывать, где и что написано, – резко выплюнул Хавин. – Что с отцом, с другими родственниками?

– Родственников нет... Уже нет... Отец работал по дипломатической линии, пропал без вести в Харбине в 1933 году...

– Знаем мы этот Харбин, – едко усмехнулся Хавин. – С его небезызвестной японской военной миссией... Продолжаю удивляться, Максим Андреевич, против вас такая мас-

са свидетельств. Вот, полюбуйтесь: «... был коммунистом, но коммунистических взглядов не разделял», «крайне отрицательно высказывался о советском государстве, порядках в Красной армии и политике, проводимой партией»... А вы продолжаете запираться и выгораживать себя. Подытожим для первого раза. Вы участвовали в антисоветском фашистском заговоре?

– Нет, никогда.

– Вы занимались антисоветской пропагандой в войсках?

– Нет.

– Вы занимались шпионажем в пользу иностранной, в частности японской, разведки?

– Нет.

Тяжелый удар обрушился арестованному на голову. Помощник следователя по работе с заключенными приблизился неслышно и, вообще, непонятно откуда взялся. Отказало не только зрение, но и слух. Боль взорвала череп. Максим повалился с табуретки. Мелькнуло разъяренное лицо младшего лейтенанта госбезопасности с засученными рукавами. Такие мускулы накачал на работе с иродами...

– Встать! – Истязатель не стал дожидаться, пока Максим сам поднимется, схватил его за шиворот, водрузил обратно на табуретку. Шелестов поплыл, тело не слушалось.

– Сидеть! Куда это мы собрались? – Второй удар опять обрушился на голову. Эзекунтор перестарался, с малого надо было начинать. Все дальнейшее Шелестов помнил смут-

но. Трещала голова, сознание болталось на ниточке. Удары следовали по нарастающей. Выскочил из-за стола Хавин – глаза сверкали бешенством. Закончился период «учтивости и деликатности» – он тоже пинал упавшего заключенного, надрывно орал:

– Получай, бешеный шакал, сука, контрреволюционный выродок! Гнида антисоветская! Ты мне, падла, еще признаешься, что состоял в организации «правых»? Шумилов, какого хрена встал? Продолжай работать!

Взгромоздить на табурет его уже не пытались – били лежачего, входили в раж, выкрикивали оскорбления. Шелестов задыхался, пытался пригнуть голову, подтягивал под себя колени. Мучитель наступил ему на руки, скованные за спиной, – пронзительная судорога побежала по телу. Лежащий извивался, пытался что-то делать. Только бы не по почкам – потом всю оставшуюся жизнь кровью ходить. Впрочем, долго ли продлится эта жизнь?

Он плохо помнил, чем закончился допрос, но он точно ничего не подписывал. Это раздражало и бесило мучителей. Последнее, что он помнил, – удар под нос носком сапога. Сознание захлопнулось, как том Большой советской энциклопедии. Прибыл конвой, арестанта потащили в камеру...

На этом текущие прелести тюремной жизни не закончились. Он потерял счет времени, несколько раз приходил в себя и снова терял сознание. Лежать приходилось на голом

полу, свернувшись калачиком, наручники сняли. Любые попытки прилечь на нары оборачивались вторжением надзирателей и новыми ударами. Лежать на нарах в течение дня конвойные запрещали.

Наверное, была глубокая ночь, когда заскрежетала дверь, и охранники вытолкали заключенного в коридор. Он стоял, держась за батарею парового отопления – иначе упал бы.

– Ну все, сука, отмучился, – процедил конвоир.

Именно эти слова придали сил. В ногах появилась упругость, расправились плечи. Он равнодушно взирал на конвойных, на невесть откуда взявшегося следователя Хавина – тот громко зевал и перекатывал во рту тлеющую папиросу.

Шелестов шел самостоятельно, сворачивал, куда приказывали, спускался по лестнице. Здешние подвалы были глубокие, в несколько ярусов. Кружилась голова, он хватался за стену, но спускался. Конвоиры дышали в затылок.

Очертился каменный коридор, в нем сновали люди. Было душно, накурено, ощущались странные запахи. Серые лица сотрудников НКГБ, пустые глаза – такое ощущение, что они годами не выходили из подвалов, только здесь протекала их служба и личная жизнь. Его вели по коридору – навалилась тяжесть, он с трудом переставлял ноги.

– На месте, – скомандовал охранник, Шелестов застыл посреди коридора.

Его толкнули в сторону – там была ниша, жесткая скамья, пара стульев, на которые никто не предложил присесть.

«Зал ожидания», – проползла равнодушная мысль. Сотрудники висели над душой, один исподлобья разглядывал жертву, другой отводил глаза. У каждого на ремне кобура с «наганом».

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги. По коридору брел сутулый мужчина. Он постоянно сглатывал, губы его дрожали. Слезы блестели в запавших глазах. Арестанта сопровождал офицер. Рука его потянулась к расстегнутой кобуре...

Взгляды заключенных пересеклись. Мужчина шмыгнул носом. Его лицо было смутно знакомо. Встречаться не приходилось, но где-то они виделись – возможно, на митинге или групповом фото в газете. Товарищ из ВЦСПС или из наркомата труда...

Процессия ушла по коридору, потерялась в сумраке. Освещение в дальней части подвала было неважным. Прогремел выстрел, глухо упало тело. Кто-то завозился, скрипнула железная дверь.

– Пошел, – кивнул подбородком Хавин. – Приятно было познакомиться. Хоть не валандаться с тобой...

– Не припомню, чтобы меня судили... – выдавил Максим.

– Решение «тройки», – скупой отозвался Хавин. – Вас слишком много, антисоветских мразей, никакие суды не справятся, даже если будут круглосуточно штамповать приговоры. Вперед! – Хавин ядовито оскалился.

– Покурить хоть дайте.

– Иди уж. Людей задерживаешь. На том свете покуришь.

Он пошел вперед, подволакивая ноги. Стены расплывались, поблескивали мутноватые лампы накаливания. Не было ни горя, ни отчаяния – только ожидание облегчения и досада непонимания. Суды не справляются, это факт. Им в помощь возникли «тройки НКВД» – по репрессированию антисоветских элементов. В каждой области и крае – своя «тройка»: начальник управления НКВД, секретарь обкома и прокурор. Но даже о внесудебном решении должны известить, а не ставить перед фактом в последний момент. И отменили, если помнится, эти «тройки» – слишком много злоупотреблений выявили. Или заново ввели, пока он по тюрьмам скитается? А как же видимость соблюдения законности?..

Тишина звенела в ушах, усиливался неприятный запах. За спиной поскрипывали сапоги палача расстрельной команды. Отчетливый спиртной душок – без горячительного в их работе никак... Звук взводимого курка – почему так быстро?

Он уткнулся в стену – она возникла внезапно, будто вынырнула из тумана. Тупик, справа железная дверь, мутная лампа. Он, как слепой, обшаривал стену. В одном месте было что-то накорябано – проступала надпись. Даже смешно – и когда только успевают? «Здесь был Петя» или что другое? Он застыл, дыхание перехватило. Стал поворачивать голову.

– Не оборачиваться! – бросил палач.

Тишина звенела, рвала барабанные перепонки. Не вся

жизнь пронеслась перед глазами, но он увидел отца, чей образ с годами потускнел, – седой, в добротном костюме, сшитом на заказ. Мама призналась пару лет назад, что дед по линии отца был обедневшим потомственным дворянином, служил офицером в царской армии. Отец порвал с семьей, жил отдельно, имел революционные взгляды, посещал нелегальный марксистский кружок. Прошел мировую войну в звании подпоручика, получил Георгиевский крест 4-й степени, а после Гражданской войны устроился на работу в ведомство Чичерина – Литвинова. Дворянское происхождение отца удалось утаить – можно представить, как обрадовались бы органы... Он видел мать, сильно сдавшую за последние годы, – она ходила с палочкой по квартире, постоянно виновато улыбалась. Увидел жену – красавицу Риту, ощутил на губах ее последний поцелуй перед тем, как отправиться в роддом. Он тогда суетился, вызвал шофера с «эмкой», кричал, чтобы вез осторожно, но быстро, и не дай бог женщине станет плохо в дороге! Сам поехать не мог – срочное совещание в управлении...

«Сейчас увидимся», – возникла странная мысль. Хотя вряд ли – воспитали безбожником, вбили в голову, что после смерти – только тьма. Тишина затягивалась, звенела. Онемела кожа на затылке. Ну давайте же! Он слышал, что тела таких, как он, сжигают, а то, что остается, отвозят на полигон «Коммунарка», ссыпают в канавы и закапывают...

Прогремел выстрел. Он не должен был его услышать – но

услышал. Пуля ударила в стену, скрикошетила от стальной двери. Промазали? Ноги потеряли чувствительность, потянуло к холодному полу, а дальше он ничего не помнил...

Узник валялся в камере, приходил в себя. Периодически рвало. Еду организм не принимал, только теплую воду – казалось, ее специально набирают в подмосковных болотах. Об имитациях расстрела он слышал, но самому участвовать в подобных спектаклях не приходилось. По мнению следователей, они неплохо способствуют признанию – как и разрешенные ЦК ВКП(б) методы физического воздействия. Главное, чтобы подписали предъявленные обвинения, а потом на суде не вздумали от них отречься...

Он метался в бреду, мысли путались. В какой-то миг Шелестов осознал, что лежит на нарах в дневное время и никто на него не орет. По коридору ходили, иногда заглядывали в окошко. Он устал жить видениями из прошлого. От них невозможно было избавиться. Лица родных, из которых осталась только мама, твердо убежденная, что сын ее давно погиб в тюрьме или сгинул в лагерях. Как она живет? И живет ли вообще? Прочно засел в памяти день 7 июня 1937 года, когда перед строем зачитали приказ Наркомата обороны за номером 072. До личного состава РККА доводилось, что в армии выявлена контрреволюционная фашистская организация, стремящаяся ликвидировать существующий строй, свергнуть Советскую власть и восстановить в СССР капи-

тализм. Верхушка заговорщиков уже обезврежена: Тухачевский, Уборевич, Якир, Корк, Гамарник... Но щупальца заговора расползлись по всей армии, разъедают ее, как плесень, и органы НКВД будут с этой заразой нещадно бороться. Тогда еще не знали, какие масштабы приобретет такая борьба...

За восемь месяцев бывший майор Шелестов сменил несколько тюрем, его пытали, били, предъявляли ложные обвинения. Все, что городили следователи, рассыпалось в прах, концы не сходились – даже для советского суда это дело выглядело нелепо. Но органы старались. Несколько суток без сна – в глаза бьет слепящий свет, сознание путается. Только начнешь засыпать – резкий окрик: «Не спать!», тычок в спину. Горячий карцер, холодный карцер, стоячий карцер – где стены настолько близко, что невозможно присесть, и ты торчишь, как столб, часов двенадцать кряду. Пытка водой, голодом, пресловутая «ласточка» – руки и ноги скованы за спиной, через рот пропущена веревка, завязана сзади на щиколотках – это тетива, а туловище – лук, постоянно находящийся в напряженном состоянии. Пытка продолжается несколько часов, за это время тебя еще пинают и матерят...

На следующий день допросов не было. Узника оставили в покое. Он понемногу приходил в себя, даже поел. Дважды приносили еду, и в этот раз кормили не тухлятиной. Досадная пауза в заведенном ритуале – всякое бывает. Он пытался вспомнить, какой сегодня день – бесполезно. Еще весна или уже начало лета 1941-го? Что происходит в стране? Что

творится в мире? Он безнадежно отстал от жизни.

Странное событие случилось ночью – через сутки или двое после последнего допроса. Он метался в полусне-полубреду, боролся с демонами. Заскрежетал дверной засов, он очнулся. В камере свет не включали. Освещение работало в коридоре – тусклое, ночное, а еще у человека, отпершего дверь, был фонарик.

Происходило что-то странное – а вернее сказать, НЕ ПРОИСХОДИЛО. За порогом стояли двое, просто стояли и смотрели, внутрь не заходили. Охранник мялся сбоку, держал фонарь. Максим сощурился, поднялся, застыл посреди камеры. Лица людей съедал полумрак. Тот, что справа, был выше среднего роста, широк в плечах, русоволос, носил военную форму. Ромб в петлицах. Тот, что слева, пониже, хотя и не карлик, среднего сложения. Он был одет в длинный кожаный плащ, под ним – полувоенный френч, застегнутый на все пуговицы. У человека было круглое лицо, и очки, блестящие на носу, тоже имели круглую форму. Он кого-то напомнил, но Максим бы не поручился... С какой стати?

Становилось не по себе. Тянувшее чувство в правой лопатке, предельно глупая ситуация. Говорить не хотелось, да никто и не требовал. Люди пристально его разглядывали. Загадочно поблескивали очки.

Наконец тот, что слева, шевельнулся, бросил с небольшим акцентом:

– Хорошо, я все понял.

Повернулся и ушел. Рослый в форме задержался на несколько секунд и заспешил вслед за первым. Надзиратель выключил фонарь и запер дверь. И все.

Почему краска прилила к щекам? Он стоял, пытаясь справиться с мыслями. Что за смотрины? Кого сопровождал майор госбезопасности? Человек был похож на наркома внутренних дел, хотя его лицо и скрывалось в тени. Лично не знаком, но слышал голос по радио, видел фотографии в газетах. У каждого следователя в кабинете его портрет. Отретушированный, он все равно обязан передавать черты живого лица. Нет, абсурд. Слишком далеко нарком, чтобы снизойти до рядового заключенного...

Он постарался выкинуть из головы этот случай. Но все равно остаток ночи ворочался, не мог уснуть...

Допросы прекратились. Его никто не тревожил. По утрам он по-прежнему выносил парашу – охранник следовал тенью, а однажды расщедрился: на вопрос, какое сегодня число, неохотно ответил: шестое июня. Заключенный основательно отстал от жизни. Еда улучшилась: появилась капуста с соевой свининой, жидкий куриный суп, почти неограниченное количество хлеба. Он старался не думать, принимал действительность, какой она была. О хорошем лучше не загадывать – не так больно будет падать. Но иногда терзала мысль: неужели убедились, что он невиновен? Чушь, это было так же фантастично, как романы Александра Беляева. Но вдруг?

7 июня за ним пришли и вывели в один из внутренних дворов-колодцев на прогулку. Какой ни есть, а свежий воздух. Глухие стены вздымались с четырех сторон, а над ними было небо – практически голубое, с бегущими облачками. Он стоял посреди колодца, дышал полной грудью, у него кружилась голова. Заключенного сторожил боец НКВД с карабином, а рядом курил лейтенант и нетерпеливо поглядывал на часы.

– Лейтенант, покурить оставь, – попросил Максим. Ей-богу, та самая ситуация, когда «полжизни за затяжку»! Лейтенант нахмурился, с сомнением уставился на свою папиросу, потом поколебался и достал портсигар.

Максим извлекал папиросу дрожащими пальцами, бормотал слова благодарности, прикурил от поднесенной спички. Жадно затянулся, пока лейтенант не передумал, затем еще раз, едва успев выдохнуть дым. Голова закружилась еще сильнее, пришлось опереться о стену. Лейтенант выказывал признаки нетерпения. Пришлось выкуривать папиросу длинными затяжками...

На следующий день его опять вывели на улицу. Теперь без папиросы, но время прогулки увеличилось. Возвращаясь в камеру, в глубине коридора Максим обнаружил следователя Хавина. Тот смотрел в его сторону с явным раздражением: любимую игрушку отняли у человека!

Ночью удалось поспать только час. Распахнулась дверь. «Подъем! На выход!» Рукоприкладством не занимались, но

промедления не терпели. Внутренний двор, часовые на воротах – синие фуражки с красными околышами. Небольшой грузовик со стальным кузовом – для доставки явно не хлеба. Его подогнали прямо к выходу из подвала. Лаконичная команда: «В машину!» Других арестантов поблизости не было. Не много ли чести для одного заключенного? Максим самостоятельно забрался в кузов, отыскал на ощупь лавку вдоль борта. Захлопнулась дверь, конвой забрался в кабину.

Он трясся в кузове один, в полной темноте, вцепившись в какой-то кронштейн над головой. Асфальт на выезде из города сменился грунтовым покрытием. Безбожно трясло. Потом опять был асфальт, потом снова трясло. Водитель часто сворачивал. Возникало ощущение, что его везут окольными путями, хотя могли бы добраться напрямую. Переводят в другую тюрьму? В этом нет ничего нового. Доставляли, разумеется, не в санаторий.

По примерным расчетам, ехали минут сорок. Его выгрузили в небольшом дворе, окольцованном высоким забором. За оградой – ели, сосны. Уже не Москва, пригород. И воздух не такой, как в городе. Охранники были другие, но очень похожие. Задняя сторона невысокого здания, дверь, утопленная в цоколь. Его вели по узкому коридору, в спину угрюмо бросали: «Направо, прямо». Снова одиночная камера – охранник дождался, пока он войдет, и захлопнул дверь.

Шелестов озибался с невольным интересом. Происходило что-то любопытное. Мутная лампочка на двадцать ватт

озаряла крашенные стены, зарешеченное окно под потолком, откидные нары. В цементный пол вмурованы стол и табурет, нары откинута. За простенком отхожее место со смывом, закрытое деревянным поддоном. Окно – из толстого гофрированного стекла с впаянной арматурой – сомнительно, что в светлое время суток оно пропускает дневной свет. Духоты не было – имелась решетка вентиляции. Он обратил внимание, что все углы стола и табурета закруглены и сглажены – очевидно, не просто так. Зашевелилось в голове что-то смутное, но ответа не было. Как ни крути, он сидел в тюремной камере – пусть и лучше обустроенной...

Простыня на матрасе была почти сухой, одеяло – не пыльное. Остаток ночи он спал мертвым сном. Очнулся утром от шума в соседних камерах. Кого-то выводили, бренчали миски. Свет поступал сквозь окно и расползлся белесой мути в пространстве. В оконце, прорезанное в двери, подали завтрак – кашу, чай и кусок коричневого хлеба. Он насилу заглатывал тягучую субстанцию – понимал, что надо. Когда надзиратель забирал пустую посуду, Максим прилип к окошку.

– Подожди, товарищ... Скажи, где мы? – пришлось согнуться в три погибели, вытянуть шею, как на плацу в присутствии маршала. Сержант колебался, глянул по сторонам.

– Твои товарищи кобылу в овраге доедают... товарищ, – ворчливо отозвался он, – Спецобъект 110. – Надзиратель за-

брал посуду и с треском захлопнул окошко.

Другого пояснения и не требовалось. Максим присел на нары. Тяжелая муть заползала в голову. И чему обрадовался? Он не был полным профаном. Спецобъект 110 – другое название Сухановская тюрьма. Бывшее Сухановское имение, монастырь к югу от Москвы, а ныне – тюрьма особого режима для особо важных политических преступников, курируемая лично наркомом. «Дача Берии», как мрачно шутили в кулуарах. Место, где он содержит своих личных врагов и куда приезжает, как на работу, чуть ли не через день.

В апреле 1939-го арестовали Ежова, предшественника Берии на посту наркома. Слишком много натворил Николай Иванович – переусердствовал. Как рассказывал про него один функционер в начале тридцатых: всем хорош, прилежный, исполнительный, выполнит любой приказ. Единственный у товарища недостаток: не умеет остановиться. «Остановка» произошла на Старой площади, в кабинете Маленкова, куда Ежова вызвали для беседы.

«Несгибаемый» нарком имел бледный вид, трясся от страха. Обвинение оригинальностью не отличалось: руководство заговорщической организацией в войсках и органах НКВД, шпионаж в пользу иностранных разведок, подготовка терактов против руководителей партии и государства, а также вооруженного восстания против Советской власти. Особо изолированная тюрьма специального назначения была готова и распахнула перед ним двери. Для расправы с Ежовым и его

аппаратом ее и построили. Большинство узников в первый год – это сотрудники высшего и среднего звена НКВД. Здесь коротал время до суда опальный нарком, здесь общался по душам с бывшим товарищем Лаврентием, признаваясь в содеянных злодеяниях. Еще три года назад – четвертый человек в стране, могущественный нарком – те самые «ежовые рукавицы» с плаката, которыми он давит многоголовую змею контрреволюции. «Сталинский нарком», «любимец народа», всенародная известность.

Маленькое сообщение в газете «Правда»: товарищ Ежов освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его народным комиссаром водного транспорта. Преемником уволенного стал Лаврентий Берия. Вскоре покатились головы Ежова и его окружения. Обвинения стандартные: подготовка государственного переворота, теракты в отношении первых лиц государства. Попутно Ежову инкриминировали мужеложство, и он признавался в гомосексуальных связях – что тем самым действовал в антисоветских корыстных целях. В начале февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда приговорила Ежова к расстрелу. Приговор исполнили мгновенно. Труп кремировали в Донском монастыре.

Занятно, что о расстреле Ежова в советской печати не сообщалось. Человек исчез без всяких объяснений. Еще вчера был народным любимцем, беспощадно выкорчевывающим антисоветскую заразу, а сегодня – словно и не было его во-

все. Те, кто знали о происходящем, выдохнули облегченно – невозможно жить в постоянном страхе. Но, видимо, поспешили. Накал репрессий спал – это очевидно. Но тем не менее они продолжались...

Шелестов сидел в оцепенении. Он не важный государственный преступник – за что такая честь? Зреет новый разоблачительный процесс, и органы ищут кандидатов на скамью подсудимых? Он не мог ни на что повлиять. Оставалось только ждать.

Остаток дня он лежал, глядя в потолок, слушал, как гремят двери, звучат отрывистые команды. Трижды в день приносили еду. На все наводящие вопросы охрана незатейливо бросала: «Не положено». К вечеру он несколько раз отжался от пола – получилось. Потом закружилась голова, но скоро все прошло.

Наутро он делал зарядку, с удовлетворением отмечая, что постепенно приходит в норму. Организму требовалось многое, но это был уже не прежний полутруп. Силы, властные над ним, хранили молчание, мотали нервы. Он продолжал выполнять физические упражнения, с аппетитом ел. К вечеру третьего дня его отвели в душевую комнату. Зловонную робу приказали выбросить. Он стоял под напором теплой воды и не мог поверить такому счастью. Бешено оттирался мочалкой с мылом, потом привередливо изучал свое отражение в огрызке зеркала. Он был еще не воин, это несомненно – серое лицо, запавшие глаза, постарел на десять лет, но это

был живой человек, а не пародия на него. Охранник передал комплект одежды – серую чистую и отглаженную робу. Изделие новое, в нем еще никто не умирал...

Максим натянул обновку, скептически оглядел себя в зеркале. Вздрогнул, когда опять приоткрылась дверь. Надзиратель протянул безопасную бритву.

– Побрейтесь, смотреть страшно.

Ночью за ним пришли. Он знал, что что-то произойдет – сна не было ни в одном глазу. Лежал и ждал.

– На выход, – скомандовал надзиратель.

Глава третья

Помещение, куда его доставили, имело приличную кубатуру. И самое интересное – оно находилось не в подвале. В комнате было два окна, плотно задернутые шторами. Видимо, их скрывали решетки. Помещение напоминало комнату для совещаний: серые стены, на дальней – карта Союза ССР и ближайшего зарубежья; вдоль той же стены – канцелярский стол со стопками папок; к нему приставлен еще один – вытянутый, со стульями.

В комнате сидели трое – в одинаковых тюремных робах. Охранник подтолкнул Максима в комнату и удалился, закрыв за собой дверь. Присутствующие хотели подняться, но передумали. Шелестов помялся, покосился на дверь.

– Проходи, мил человек, располагайся, гостем будешь, – пробормотал плечистый невысокий мужчина с седоватым «ершиком» на голове. Он исподлобья смотрел на прибывшего. Максим поколебался и сел за тот же стол – на краю было свободное место. Все молчали.

– Давно ждем? – спросил Шелестов.

– Не очень, – отозвался сидящий напротив – человек лет тридцати пяти, чернявый, с вытянутым лицом и выпуклыми глазами. Синяк под глазом уже заживал, но неделю назад он, видимо, был роскошным.

– Минут десять, – сообщил третий – заметно моложе

остальных, но сильно помятый и бледный. – По очереди доставляют. Ждем дальше, может, еще кого приведут...

Прошла минута, разговаривать не хотелось. Но таращиться друг на друга тоже было неприятно.

– Знакомиться будем? – вздохнул Шелестов.

– Подождем еще, – крикнул обладатель «ершика». – Вот соберут всех, тогда и познакомимся...

Шелестов, по-видимому, был последним. Открылась дверь, появился подтянутый рослый мужчина в форме. С порога обозрел аудиторию. Люди вразнобой поднимались. Шелестов отметил про себя: все присутствующие – военные. По крайней мере, имеют отношение к вооруженным силам или органам госбезопасности. Рыбак рыбака, как говорится...

– Здравствуйте, можете садиться, – произнес мужчина и деловой походкой направился к канцелярскому столу, по ходу бросив задумчивый взгляд на карту. Сел, подтянул к себе стопку папок и стал въедливо разглядывать присутствующих. У него были внимательные серые глаза, аккуратный пробор, выступающие скулы. Ничего отталкивающего во внешности – в какой-то мере она даже располагала. Чего-то похожего Максим и ждал – именно этот тип приходил к нему на «смотрины» в камеру несколько дней назад. С ним был человек в очках, внешность которого заставила напрячься и вызвала сумбур в голове...

– Давайте знакомиться, – сказал мужчина, – меня зовут Платов Петр Анатольевич, майор государственной безопас-

ности, заместитель начальника Управления НКГБ СССР. Обращаться ко мне следует «гражданин майор». – Он пристально обвел взглядом напряженные серые лица, слегка смягчился: – Ну, хорошо – «товарищ майор».

Реакция последовала незамедлительно. Серые лица расслабились, щеки молодого парня подернулись румянцем. Метаморфозы не остались незамеченными. На губах майора заиграла усмешка – впрочем, недолгая. Он стал просматривать бумаги, потом поднял глаза.

– Шелестов Максим Андреевич.

Максим поднялся, чувствуя сухость во рту. Платов зачитывал вслух основные данные: когда и где родился, краткая биографическая справка, последнее место службы, причины ареста, суть предъявленных обвинений. А также, что вину не признает, со следствием не сотрудничает и сообщников не выдает.

– Садитесь. Буторин Виктор Алексеевич. – Платов глянул на поднявшегося мужчину с «ежилом» и невозмутимо продолжил: – 37 лет, уроженец поселка Воровск Пермской области, женат, есть ребенок 12 лет... Мать скончалась в 1936-м, отец трудился в местной МТС, теперь на пенсии, имеет инвалидность по причине ампутированной ноги... Супруга с ребенком в данный момент отбывают срок в колонии-поселении на Урале... Так, имеем ускоренные курсы повышения квалификации среднего комсостава, знание немецкого языка, награды за Халхин-Гол... Служили также в армейской

разведке – Средняя Азия, Северная Буковина с Бессарабией... Последнее звание – капитан. Арестован девять месяцев назад, проходит по делу антисоветской троцкистской военной организации как ближайший сообщник и порученец репрессированного два года назад комдива Бурякова. Свою вину не признал, сотрудничать со следствием отказался...

Буторин молчал – приказа разговаривать не поступало.

– Ясно с вами, – хмыкнул Платов, – садитесь. Коган Борис Михайлович. – Он глянул на поднявшегося из-за стола человека с вытянутым лицом. – 34 года, женат, детей нет, родители умерли в 1932-м и 1934-м... Жена по ряду причин не репрессировалась... Уроженец города Николаев Украинской ССР, с 1929 года – служба в органах ГПУ. До ареста участие в Финской кампании – был оперуполномоченным особого отдела действующего полка... До кампании и после – следователь особого отдела ГУГБ НКВД в Псковской области... По отзывам коллег и начальства, не во всем согласен с линией партии, имеет особое мнение по вопросам проведения следствия; были случаи необоснованного закрытия дел и освобождения подсудимых из-под стражи... – Платов оторвался от писанины и устремил долгий взгляд на фигуранта дела. Тот не шевелился, прямо смотрел ему в глаза. – Арестован в ноябре 1940-го за измену Родине, террористическую деятельность и шпионаж в пользу одного из иностранных государств. Исключен из партии, снят с должности, лишен правительственных наград и уволен из рядов

НКВД... Что характерно, тоже не признал свою вину, невзирая на интенсивное физическое и моральное воздействие. Присаживайтесь, Борис Михайлович. Сосновский Михаил Юрьевич.

Поднялся последний из приглашенных. Как-то причудливо смотрелись пятна румянца на его мертвенно-бледном лице. Он сглатывал, усиленно подавлял рвущийся из груди кашель.

– Рожден в 1910 году в Петербурге в семье служащих. Мать преподавала в институте благородных девиц, отец – инженер-путеец... Не женат. В органах ОГПУ с 1934 года, после окончания Ленинградского государственного университета им. Бубнова. Диплом по специальности «Международные отношения». Прошел подготовку на специальных курсах НКВД... Последнее звание в органах – капитан государственной безопасности. Несколько лет работал под дипломатическим прикрытием, выполняя важные задания – в советских посольствах в Германии, во Франции... Принимал активное участие в поимке белогвардейского генерала Миллера... – Платов поднял глаза, с любопытством посмотрел на фигуранта. Тот справился с позывами к кашлю, стоял, опустив руки по швам. Остальные тоже уставились на парня с невольным уважением.

Белогвардейский генерал Миллер, злейший враг советского государства, бежал в Европу в 1920 году. В эмиграции продолжал разнузданную контрреволюционную дея-

тельность, был уполномоченным Врангеля в Париже, старшим помощником председателя так называемого РОВС – Русского общевойскового союза, объединившего бывших белогвардейцев. Осенью 1937-го началась операция НКВД по похищению генерала и замене его на посту в РОВС советским агентом Скоблиным. Операцию разрабатывали долго и тщательно, с привлечением «особого контингента» в Парижском посольстве. Миллера заманили на встречу с сотрудниками НКВД, действующими под видом немецких дипломатов. Проницательный Миллер почувствовал неладное, оставил записку своим соратникам, но на встречу все же отправился. Планы заменить его Скоблиным провалились. Но Миллера выкрали, доставили в Союз теплоходом «Мария Ульянова» и в 1939 году приговорили к высшей мере социальной защиты.

– Осенью 1940-го, – продолжал Платов, – был арестован по доносу коллеги, работающего при посольстве в Вене. По утверждению последнего, гражданин Сосновский неоднократно вступал в контакт с представителями польской и английской разведок... На допросе уверял, что стал жертвой ложных показаний, этой линии придерживался все время следствия, с присущим ему изощрением тормозя его. При этом имелись полностью изобличающие его доказательства враждебной деятельности... У вас такой вид, Михаил Юрьевич, будто вы хотите что-то сказать, но врожденная скромность не позволяет. – Платов с любопытством склонил голо-

ву. — Хорошо, сделаем исключение, что вы хотите сказать?

— Возможно, это неуместное замечание, гражда... виноват, товарищ майор... — голос у парня подрагивал, — произошла нелепая ошибка, которую никто не заметил. Львиная доля изобличающих меня свидетельств приходилась на показания моего коллеги Суровцева, который к моменту моего ареста был мертв уже в течение недели, а органы на сигнал среагировали моментально... Я считаю, что кто-то прикрылся моим хорошим знакомым, имели место подтасовки с фальсификацией, но этого предпочли не заметить...

Сосновский смутился, замолчал. Платов разглядывал его все с тем же любопытством.

— Виноват, товарищ майор, — выдавил заключенный, — конечно, это несущественно...

— Присаживайтесь, — кивнул Платов. — Будем считать, что мы познакомились... товарищи офицеры. Всех вас, конечно, интересует мысль: что происходит? Варианты — от самого худшего до самого лучшего. Прошу запомнить: обвинения с вас не снимаются, вы по-прежнему виновны перед Родиной. Вас не восстанавливают в званиях, должностях, не возвращают награды. Но у вас есть шанс искупить вину и даже полностью ее смыть... надеюсь, не кровью. Давайте забудем, что с вами происходило и что вам пришлось пережить. Это не имеет отношения к тому, что будет. У нас не репрессируют без оснований, и вы это ясно должны понимать. Существует нечто большее, чем судьба отдельно взятого человека.

Никто из вас не признал свою вину, не подписал показания и не свидетельствовал против коллег. Не буду говорить, хорошо это или плохо. Но вы упрямы, стойки и последовательны в своей позиции. У вас неплохие послужные списки... до ареста, разумеется. Вы имеете заслуги, можете работать головой, руками, участвовали в боевых действиях либо по роду деятельности имели к ним отношение. Все вы хорошо владеете немецким языком, можете работать в разных условиях. С сегодняшнего дня вы – специальная группа для выполнения особо важных заданий. Группа подчиняется лично наркому внутренних дел. Непосредственное руководство осуществляю я. Забудьте про свое прошлое – его нет и никогда не было. Действовать будете под собственными именами – незачем плодить сущности и все усложнять. Но это будете уже не вы – прошу вслушаться в мои слова. Прежние личности сгинули в тюремных камерах и отдаленных исправительно-трудовых лагерях. Их нет, про них забыли. Повторяю – у вас ОСОБАЯ группа. Особые полномочия, особая поддержка, право игнорировать любые приказы, если они исходят не от меня или наркома. В работе руководствоваться только целесообразностью. Про остальные категории, включая мораль и совесть, рекомендую забыть. На кону безопасность государства. В случае провала вам никто не поможет – это вы тоже должны понимать. Вы исчезнете, вместо вас придут другие. Предвосхищаю ваш вопрос: почему именно вы? Да, выбор не случайный, вы – результат долгого

отсева. Мы присматривались к кандидатам, наводили справки. Родина дает вам шанс. Если кто-то решит отказаться – его право. Он вернется в камеру. Есть вопросы?

Люди застыли, боясь пошевелиться. Такое ощущение, что они перестали дышать. Ожидали чего угодно, но только не этого. Максим почувствовал, как по спине стекает липкий пот. Но дышать становилось легче, расправлялись плечи.

– То есть нас освободят, товарищ майор? – Он не узнал собственного голоса.

– Да, – кивнул Платов. – В случае согласия все ваши уголовные дела откладываются в дальний ящик, производство по ним замораживается, и вы выходите на свободу. Обещаю, что в случае успешного выполнения задания вы в тюрьму больше не вернетесь. В случае неудачи... сами понимаете. Но работать придется постоянно и упорно, ваша намечающаяся командировка – не единичная. Только так вы сможете искупить свою вину и стать полноправными членами общества. Еще один нюанс – как бы неприятно мне было об этом говорить. У вас есть родственники, и они постоянно будут находиться под нашим контролем. Постарайтесь не допустить необдуманных действий. Есть желающие отказаться?

Желающих не было. Люди смотрели друг на друга большими глазами, с волнением переводили дыхание.

– Отлично, – кивнул Платов, – на это мы и рассчитывали. На восстановление сил можем дать вам не больше трех-че-

тырех дней. Еще вопросы?

– Мы можем увидаться с родными? – спросил Коган.

– Вопрос неуместный, Борис Михайлович, – поморщился Платов. – Вспомните, что я говорил две минуты назад. Вас нет, вы сгинули во мраке сибирских лагерей. По крайней мере, в ближайшее время об этом даже не думайте. Предупреждение – единственное и последнее. В случае попытки с кем-то связаться вас расстреляют незамедлительно. Еще вопросы?

– Но мы не можем не встретить знакомых, товарищ майор, – заметил Буторин. – Мы же не в вакууме будем работать, верно? Подобные ситуации крайне вероятны. К тому же мы остаемся под своими именами. Какие инструкции на этот счет?

– Стараться избегать щекотливых ситуаций, – усмехнулся Платов. – Уверяйте товарищей, что они ошиблись. О каждом подобном случае докладывать мне. Специалисты проанализируют возможные последствия. Надеюсь, в предстоящей работе такого не случится. Вы направляетесь на западную границу. Никто из вас в тех местах не работал. Будем надеяться, что обойдется. Шелестов в вашей группе назначается старшим. Не возражаете, товарищ майор? – В серьезных глазах Платова заблестела ирония.

– Никак нет, товарищ майор.

– Хорошо. – Платов поднялся. Все остальные тоже. – Посидите несколько минут, с вами проведут инструктаж.

Майор госбезопасности поднялся из-за стола, широким шагом пересек комнату и вышел из кабинета. Люди продолжали стоять. Мысли кипели в головах, чувства зашкаливали.

– Вот черт... Ну и ну... – первым выдохнул Сосновский и рухнул на свой стул. – Это происходит на самом деле? Не могу поверить...

– Да уж, занятная история, – сдержанно пробормотал Коган и тоже сел – в отличие от товарища мягко и осторожно. – Расстрел иногда заменяют исправительно-трудовыми лагерями... а вот чем его нам заменили?

– Пока непонятно, – признал Максим, пристраиваясь на кончик своего стула. Было опасение, что сидеть придется недолго. – Добрый совет, товарищи офицеры: постарайтесь сдерживать эмоции и не говорить ничего лишнего – пусть даже вам оно и видится уместным. Что бы ни случилось – это лучше, чем к стенке.

«Хотя как сказать», – мелькнула странная мысль.

– Виктор Михайлович, вы коленвал проглотили? – спросил Сосновский.

– Ах да... – Буторин вышел из оцепенения и плюхнулся на стул.

Ожидание не затянулось. В комнату вошел мужчина среднего роста в легком кожаном плаще и фуражке. За ним следовал Платов.

Все резво поднялись и снова застыли по стойке «смирно». Мужчина подошел к канцелярскому столу, бросил на него

фуражку. У него были кавказские черты лица и круглый лысоватый череп. Глаза смотрели внимательно, обезоруживающе.

– Кто Шелестов? – спросил он с небольшим акцентом.

– Я, товарищ Берия.

– Узнали? Хорошо... – Всемогуший нарком мягко подошел, посмотрел в глаза, протянул руку. – Здравствуйте, товарищ Шелестов. Вас зовут...

– Максим Андреевич, товарищ Берия.

Взгляд наркома испепелял. В нем чувствовался какой-то магнетизм. Мысли снова закружились вихрем, пришлось приложить усилия, чтобы лицо осталось невозмутимым.

В ноябре 1938-го Лаврентий Павлович был назначен наркомом внутренних дел. Двумя месяцами ранее получил звание комиссара государственной безопасности 1-го ранга. С марта 1939-го – кандидат в члены Политбюро. С января 1941-го – генеральный комиссар государственной безопасности. Через месяц – заместитель председателя Совета народных комиссаров, курировал работу НКВД, НКГБ, ряда других наркоматов, держал на контроле внешнюю разведку, армию, промышленность, все, чем жила и дышала огромная страна. Возможно, единственный человек, которому доверял Сталин, он сконцентрировал в своих руках огромную власть, мог влиять на все происходящие процессы...

– Выдержка хорошая, одобряю, – похвалил нарком, прошелся по комнате, поздоровался за руку с каждым членом

группы. Никто не оплошал: в глаза заискивающе не смотрел и не мямлил.

– Поздравляю, товарищи, сегодня вас будет инструктировать сам нарком, – сдержанно пошутил Берия. – Оно того стоит, дело крайне важное. Петр Анатольевич, – он повернул голову, – рассказал мне о вас, и мы пришли к выводу, что стоит попробовать. Нельзя в этом деле использовать кадровый состав наших органов, со временем вы поймете почему. Будем откровенны: ситуация на западной границе тяжелая и неустойчивая. Руководство страны принимает отчаянные меры, чтобы избежать войны, но все идет именно к этому. Гитлеровская Германия выводит войска из Западной Европы и направляет их к советской границе. Над нами висит огромная армия – обученная, вооруженная, обладающая всеми современными средствами ведения боя. Не прекращаются провокации на границе. Разведка сообщает, что война может начаться уже в этом месяце. Мы стараемся не нервировать немцев – все-таки имеем с ними договор о дружбе и ненападении, войска отведены, в пограничных зонах – только заставы. Прошу внимания. – Карандаш ткнулся в точку на западной границе. – Вы направляетесь в Западную Белоруссию, в город Берестов. Он находится на самой границе, крупный районный центр. Территория города и области вошла в состав СССР осенью 1938 года, о чем вы, безусловно, знаете. Но я не считаю лишним это напомнить. В западной части города – крепость с гарнизоном. В ней несколько

так называемых фортификаций, а в средней части – хорошо укрепленная цитадель. Граница проходит по реке Буг – он фактически омывает западный вал крепости. Город Берестов – важный объект: автодорожный узел, аэродром, железная дорога, речной порт. Сам город – немаленький. Войны не избежать, и данный район будет местом главного удара. Формально немцы – наши друзья, но это никого не должно обманывать. – Нарком сделал паузу, цепкий взгляд пробежал по лицам. – Вы это ясно понимаете, товарищи?

– Так точно, товарищ генеральный комиссар 1-го ранга... – нестройно отозвались присутствующие.

– Хорошо, – кивнул Берия. – Восточнее Берестова дислоцирована наша стрелковая дивизия, ее части растянуты на два десятка километров. Артиллерии немного, танков немного, авиации – нет. Есть приказ не усиливать войска, чтобы не давать немцам повода нас в чем-то обвинить. Войска пополняются, но явочным, так сказать, порядком. Хотя, конечно, немцы обо всем знают... – Тень досады пробежала по лицу наркома. – Местность наводнена агентурой противника. С ней борются местные органы контрразведки. Ваша задача в чем-то схожа и все же – другая.

Операция предстоит секретная, в город необходимо прибыть поодиночке, адрес я дам. Временные документы, чтобы добраться до места, вам выдадут. На месте получите новые. Никакой формы – только в штатском. Не доверять никому. Единственное лицо в городе, которому вы можете до-

верить, – это первый секретарь горкома Малютин Павел Егорович. Он мой человек, я хорошо его знаю. Работает в городе несколько месяцев, совмещая службу в органах с обязанностями по партийной линии. Только он будет в курсе, кто вы такие и в чем суть предстоящей операции. Жить будете у него, в загородном доме. Он предоставит вам документы, прикрытия, транспорт, людей для связи с силовыми структурами. У Павла Егоровича полная информация по всему, что происходит в районе, обширные связи. Запомните, он вам не начальник, а только лицо, обеспечивающее всем необходимым. Ваш непосредственный руководитель – товарищ Платов. – Майор госбезопасности кивнул. – Звоните в Москву из дома Малютина в любое время, на телефоне всегда будет наш человек.

Теперь о двух задачах, которые вам надо решить. В руководстве дивизии, дислоцированной в округе, засел «крот». Эта информация от нашей закордонной разведки неоднократно подтверждалась. Есть подозрение, что это высокопоставленный штабной военный. Информация, подрывающая боеспособность Красной армии, регулярно поступает в структуры абвера. Это данные о количестве и дислокации войск, все тайные распоряжения и циркуляры, шифры радиосвязи, копии секретных документов. Немцами арестован агент, работающий по линии наркомата обороны. Все попытки вычислить «крота» успехом не увенчались. Хватать всех без разбора нельзя – это обезглавит соединение в трудное

время. Подходящие кандидатуры на роль «крота» – два десятка офицеров. Направить следствие в штаб – «крот» насторожится, может улизнуть или надолго прикроется. Использовать штатные органы местной контрразведки – опасно, есть подозрение, что и в их ряды затесался предатель. Нужны люди со стороны, «люди-тени», которых как бы нет, понимаете мысль? Еще неделю назад по данному направлению работала оперативная группа капитана госбезопасности Берзина из областного управления, к моим людям она отношения не имела. Капитан допустил ошибку и засветился. Ему показалось, что он отыскал зацепку, вышел на нужных людей – есть подозрение, что его навели на ложный след, заманили в ловушку. Отправился на встречу со всей группой, не сказав ни слова даже своему начальству. Погибли все пять человек – на хуторе Гремячем, в девяти километрах от города. Их ждали, устроили засаду... Все, что они накопили, погибло вместе с группой. Налицо преступная халатность, но с мертвых не спросишь.

Ваша группа – вторая попытка, на этот раз нужно действовать тайно. Ни в коем случае не светиться. В районе действует махровый враг, у которого большие возможности, включая наличие боевой группы. Это не обязательно немцы – кто угодно, не исключая польских и белорусских националистов. В армейские структуры не соваться – враг сразу насторожится. Но обстоятельства гибели группы Берзина расследовать надо – такое нельзя оставлять безнаказанным. Постарайтесь

сделать это незаметно. По прибытии у вас будет несколько дней, этим и займитесь. Вестей от сотрудников внешней разведки мы ждем к концу следующей недели. А далее будьте готовы к рискованной операции. – Берия сделал ударение на эти слова. – Повторяю, у вас будет в запасе несколько дней. По сигналу наших товарищей вы тайно перейдете границу, чтобы выкрасть высокопоставленного офицера абвера и без шума вернуться обратно.

Берия сделал паузу, чтобы люди осознали и прочувствовали услышанное.

«Раз он говорит такое, значит, уже определился с кандидатурами, – мелькнула мысль в голове Максима. – А ведь задание очень рискованное и ответственное. Берия знает, что наша компания пострадала невинно и тем не менее никто не предаст и в кусты не свалит. Тонкие психологи работают в его структурах. И сколько материала надо перелопатить, чтобы составить впечатление о таких, как мы!»

– Вы не ослышались, – медленно произнес Берия. – Это полковник Вильгельм Вайсман, ответственное лицо из военной разведки в группе армий «Центр». В его руках не только собственная агентура, но и сотрудники польской и румынской разведок, добровольцы из РОВС, националисты. Он курирует несколько школ абвера, лично готовит резидентуру не только в приграничных районах, но и дальше – вплоть до столичного региона. Сколько негодяев уже внедрилось в наши структуры, кто они, какое задание получили – мы не зна-

ем. А Вайсман знает – он сам их готовил. Личность «крота» в стрелковой дивизии также ему хорошо известна. На этом настаивает наш агент с той стороны. Но сам данные по шпиону получить не может, не тот уровень. Вайсман и его люди на месте не сидят – кочуют по приграничному району. Осядут стабильно – пусть на пару-тройку дней, – и агент отправит в Центр зашифрованную радиограмму. Тут и настанет ваш час... Безопасный «коридор» вы должны определить заранее, тайно перейти границу, прибыть в нужный квадрат. Надеюсь, вы проявите инициативу, товарищи офицеры? – Нарком прищурился, стекла пенсне зловеще блеснули. – Информацию будете получать от товарищей Малютина и Платова. Понимаете, чем чревата такая прогулка? – Лаврентий Павлович снова сделал нужное ударение. – Огромный риск и бездна ответственности. Мы живем во время, когда даже чихнуть в сторону немцев нельзя. Им только дай повод. А ваша операция – готовый предлог для агрессии против СССР. В случае неудачи вы должны немедленно себя ликвидировать. При этом ничто не должно указывать, что вы работаете на советскую разведку. Там вы – никто, уяснили? И на помощь с нашей стороны даже не надейтесь. В нашем пограничном округе вы – люди, находящиеся в подчинении первого секретаря горкома – помощники по мелким поручениям. Соответствующие бумаги получите от товарища Малютина. Вы не имеете отношения ни к военным, ни к разведывательным структурам. Товарищ Шелестов – старший.

«А вы авантюрист, Лаврентий Павлович...»

– Слушаюсь, товарищ Генеральный комиссар госбезопасности...

– Вы дослужились до майора, я не ошибаюсь? Имеете навыки руководящей и организационной работы. Уверен, вы не пойдете по стопам товарища Берзина. Таким образом, ваша миссия включает в себя две задачи, тесно связанные между собой: выявление «крота» и похищение полковника Вайсмана. Обоих фигурантов взять живыми и без промедления доставить в Москву.

– Мы поняли, товарищ нарком.

– Подробные инструкции получите у товарища Платова. Да, вы не в форме, но работа не терпит – ситуация на границе с каждым днем усложняется. Вы люди крепкие, сдюжите. Есть вопросы?

– Никак нет, товарищ нарком.

Вопросов накопилось выше крыши. Но напряжение уже зашкаливало, дребезжали нервы. Рабочую информацию выдаст Платов. Все, хватит...

– Желаю удачи, товарищи офицеры. – Берия забрал со стола фуражку и, не оборачиваясь, вышел из комнаты. Дверь захлопнулась, все дружно выдохнули. Со лба Сосновского покатились крупные капли пота.

– Перенапряглись вы что-то, товарищи, – сдержанно усмехнулся Платов. – Я боялся, что вы лопнете...

Глава четвертая

На свободе было непривычно: кружилась голова, и творилось в ней что-то неправильное – то, как змеи в клубке, ворошились мысли, то воцарялась пустота без признаков всякой активности.

Поезд, замедляясь, подходил к станции. Пассажиры выносили вещи из купе, шумно разговаривали. Хныкала маленькая девочка с забавными косичками, терла кулачками заспанные глаза.

Максим стоял в проходе с вещмешком на плече. Пришлось посторониться – крепкий дядя, страдающий одышкой, волок по проходу тяжелый чемодан.

Город Берестов, по меркам Белоруссии, был крупным, но очень компактным. Добротные каменные дома, интересная архитектура. Испокон веков он принадлежал Российской империи, недолгое время был столицей Полесского воеводства Польши, а осенью 1939-го снова вернулся на «родные хлеба», став приграничным советским городом. Здесь жили русские, евреи, белорусы, немцы, поляки – смешалось множество культур и обычаев.

За пределами железнодорожного полотна кипела городская жизнь – десять утра, все давно проснулись. Дымили трубы. До присоединения к СССР здесь работали мелкие частные предприятия, теперь открывались крупные фабрики.

ки, строились мосты, дороги. Поезд прибыл на станцию, в окнах замелькали составы, стоящие на запасных путях. Пассажиры подавали на третий путь – дольше плутать, но меньше патрулей. Документы имелись временные, только добраться до места, тщательную проверку они бы не прошли. Некое гражданское лицо, инженер, направляется в командировку из столицы на местный завод тракторных агрегатов. Лицо по определению подозрительное – особенно в сложное время и в приграничной зоне.

Кто-то снова тащил чемоданы, Максима задела, заняло незаживающее плечо – истязатели в застенках перестарались, выворачивая руки.

Над головой состава показался шпиль вокзала. Шелестов оторвался от поручней, побрел к выходу из вагона. В спину пристроилась шумная ватага с чемоданами и баулами. За товарищей он не беспокоился – у каждого свои мозги. Двое ехали в этом же составе, но в других вагонах. Буторин должен был прибыть ночью, наверняка уже прибыл. Всех снабдили документами, деньгами, инструкциями.

Двое с половиной суток после незабываемой беседы с наркомом они провели в лесу на охраняемой даче. Это действительно была дача – пусть и ведомственная. Разум отказывался воспринимать происходящее. Но что было, то было. У каждого отдельная комната с кроватью, свой гардероб, средства личной гигиены. Небольшой холл, куда подавали еду на всю компанию. В сад выходила терраса, на ней разреша-

лось появляться, а также совершать прогулки в окрестностях. Стопка свежих газет, папка с грифом «Секретно» о последних событиях в стране и мире, особенно в пограничных областях – только факты, никакого пропагандистского налета. Это было важно – в одиночных камерах ликбез не проводили.

Охрана глаза не мозолила, курсировала за оградой. Убирала дачу и подавала еду статная женщина по имени Валентина – ей тоже прекрасно удавалось создавать иллюзию своей непричастности к органам. Дважды приходил врач, осматривал их, что-то записывал, выдавал пилюли и микстуры.

Кормили на убой, была даже выпивка – русская водка, сладкое грузинское вино. Сначала держались сдержанно, с подозрением посматривали друг на друга, лишних слов не говорили. После выпивки и сытного ужина наступало расслабление, они выходили в сад, рассказывали о себе.

Шелестов присматривался к людям, мысленно делал заключения. Буторин – степенный, мрачноватый. Коган – сдержанный, но любит язвить. Сосновский – побитый жизнью, но сохранил способность удивляться, какую-то непосредственность, свойственную молодым людям. Все – профессионалы до мозга костей, обладали нужными качествами, никогда не сдавали коллег и товарищей – и в этом плане Платов с Берией не прогадали.

Подпивший Сосновский расслабился, помянул о стоячем карцере, в котором провел без малого сутки, а потом об ана-

логичном – но в полной темноте. Коган вспомнил, как его без одежды посадили на раскаленный котел кочегарки – все зажило, но воспоминания остались. Буторин рассказал, как отплясывал в специально оборудованной комнате – пол железный, этажом ниже – котел, который жарит на полную катушку. Пол раскаляется, стоять невозможно, а ты босой, вот и приходится выкидывать коленца, танцевать до полного изнеможения. А за дверью хихикают помощники следователя, иногда спрашивают, не хочет ли враг народа что-нибудь подписать.

В следственной тюрьме в Варсонофьевском переулке Шелестов по утрам выносил свою парашу. Дорога проходила мимо помещения для исполнителей приговоров. Там всегда находились люди в форме, курили, что-то жевали, почти не разговаривали. У всех – серые лица, будто сами уже мертвецы, из помещения постоянно тянуло сивухой – невозможно без спиртного людям столь трудной профессии... Лучше не задумываться, что происходит в стране, зачем нужны все эти «посадки», пытки, повальные расстрелы. Много врагов у Советской власти, зачастую органы не могут остановиться: страдают невинные, а главное, преданные до мозга костей делу Ленина – Сталина.

«Что нами движет? – задумывался Максим. – Служили верой-правдой, пострадали безвинно, а теперь опять в строй – да не просто так, а в особую группу, курируемую лично Берией».

Шелестов видел, что люди готовы работать с полной отдачей. Страх расплаты – за себя, за близких? Но пока сидели, давно простились с жизнью, смирились с участью. Любовь к Родине? Да, не без этого (Родина – это ведь не только тюрьмы и лагеря), но основной мотив, пожалуй, в другом. Офицерская честь, чувство долга, ответственность, верность присяге – это, пожалуй, главное, что мотивировало людей...

Когда он спрыгнул на перрон, закружилась голова. В теле еще сохранялась слабость. Вдалеке маячил патруль, встречаться с которым не хотелось. Он слился с шумным семейством, а еще удачно подвернулась бабушка, у которой он отобрал тяжелую сумку и поволок по перрону. Она, довольная, семенила следом, наступала на пятки и бормотала слова благодарности.

К зданию станции Максим не пошел, пролез под составом и отправился назад, к депо. Там слился с мастерским народом. Вышел на улицу Октябрьскую, постоял в короткой очереди у киоска, купил кулек карамели, двинулся по тротуару в южном направлении.

План города он держал в памяти. Шел и удивлялся. Если бы не редкие патрули, то перед глазами текла привычная мирная жизнь, не чувствовалось никакой напряженности. Войска дислоцированы в глубине территории, только на Буге небольшие заслоны, плюс гарнизон крепости... В городе работали предприятия, включенные в плановую социалистическую экономику. Работали магазины – продукто-

вые, промтоварные. У здания бывшего католического костела разгружали грузовик со стройматериалами – двухтонный «ГАЗ ААА» повышенной проходимости. У стационарного милицейского поста курили опрятно одетые блюстители социалистической законности. По проезжей части шли полуторки, «эмки». Протащился «ГАЗ-4» – укороченная версия «ГАЗ АА». Горделиво пропылил новый «ГАЗ-61» – похожий на «эмку», но уже вездеход, способный брать водные преграды.

Снова уход от патруля – тот замаячил за редкими кленами. Максим свернул в ближайшую булочную, принялся разглядывать скудный ассортимент в застекленной витрине. В стекле отражался гладко выбритый мужчина в кепке, в неброском пиджаке в серую клетку. Под пиджаком – облегающая кофта тонкой заводской вязки.

Дождавшись, пока патруль проследует мимо, Шелестов, перехватив озадаченный взгляд продавщицы, покинул булочную и зашагал дальше. Через пару кварталов встретилось воинское подразделение. Судя по небритым щекам, солдаты возвращались с охраны объекта. Подразделение небольшое, около взвода, военнослужащие шли колонной по два краем проезжей части, не мешая движению. У офицера на плече «ППШ» – пока еще редкий в частях, принят на вооружение полгода назад. У остальных – винтовки Симонова со съемными магазинами на пятнадцать патронов, самозарядные винтовки Токарева, в просторечии прозванные «светка-

ми». Трехлинейки Мосина еще сохранялись в войсках, но уже вытеснялись современными видами оружия. Лица молодые, обмундирование еще не выцвело. Колонна проследовала с запада на восток, к месту постоянной дислокации, никто вслед солдатам не оглянулся...

Максим прошел через парк, где играла музыка, пересек по мостику реку. Мазовец в этом месте был неширок, берега заросли ивняком, по водной глади скользили лодочки и катера. Несколько кварталов – и потянулись частные хозяйства, промышленная зона. Пацаны на пустыре гоняли мяч.

Максим перебрался через шоссе в стороне от поста милиции, пересек небольшую лесополосу. В этой местности, на краю светлого сосняка, располагался малоэтажный поселок, дальше за высокими заборами – дачи местных руководителей.

Зеленела листва деревьев и кустарников. В просвете между оградами отражал яркие солнечные лучи небольшой пруд. Дорогу к поселку перегораживал шлагбаум, люди в форме НКВД несли службу. Там же стояла полосатая будка, виднелись несколько невысоких построек.

Пришлось сместиться к обочине – мимо прогремела «эмка», поднимая за собой шлейф пыли. У шлагбаума машина притормозила, сотрудник НКВД наклонился, заглянул в салон. Отступил, козырнул, шлагбаум пополз вверх. Водитель нетерпеливо газовал, дожидаясь, пока дорога откроется.

Вариантов не было. Максим уверенно направился к посту.

Патрульный хмуро посмотрел на него, положил руку на затвор «ППШ». Максим предъявил документ в развернутом виде. Майор ГБ Платов уверял, что в этом месте проблем не будет. Их и не было – охранник удалился в будку, куда-то позвонил по телефону. Вышел, кивнул на лесок, за который сворачивала дорога.

– Вам туда, шестое строение, – помялся и на всякий случай козырнул.

Дальше был забор, густо покрашенный коричневой краской, звонок. За гребень ограды стыдливо цеплялась колючая проволока. Его впустили по предъявлению документа. Человек в штатском сдержанно кивнул, кивнул на дорожку. Она петляла к дому между стриженными кустами, огибала увитую выюнами беседку.

Дом был двухэтажный, верхние окна украшали ставни. Открытая веранда, перед ней скромный садик с липами и клумбами, на заднем плане дворовые постройки. Загородное жилище первого секретаря горкома не отличалось роскошью. Но дом был вместительный, особенно первый этаж.

– Проходите, прошу вас, – любезно предложила женщина, вышедшая на крыльцо. Ей было лет тридцать пять, высокая, осанистая, не красавица, но исполненная «не пролетарской» грации. – Располагайтесь в гостиной, Пал Егорович сейчас спустится. Меня Екатериной зовут.

В гостиной, отделенной от улицы верандой, было уютно. Высокие окна, кресла, диваны, на стене карта района, порт-

реты товарища Сталина и товарища Пономаренко, первого секретаря компартии Белоруссии. Долго посидеть не удалось – с лестницы спустился представительный мужчина, за сорок, с крупным носом и добродушной миной («Обманчиво добродушной», – предположил Максим). Его рукопожатие было твердым.

– Максим Андреевич? Приветствую, я Малютин Павел Егорович, первый секретарь горкома. Без происшествий добрались? Вот и славно. Один ваш человек уже здесь, в бильярдной шары гоняет. – Малютин простодушно усмехнулся. – Видно, что любитель, даже от завтрака отказался. Остальные, надеюсь, скоро подтянутся. Екатерину вы уже видели, она покажет ваши комнаты на втором этаже. С бытом все в порядке, с удобствами – тоже. Правила пребывания мы обсудим позднее. Я знаю о вас от Лаврентия Павловича. Последний раз мы с ним связывались сегодня ночью. Поговорим позднее – когда соберется вся группа. Сейчас я должен съездить в город – дела, знаете ли. Вернусь через пару часов. Парадным входом больше не пользоваться, только заднее крыльцо через проулок. Походите, осмотритесь. Внизу подвалы, на первом этаже мой кабинет, столовая, спальня, бильярдная комната. На втором – ваша епархия. Старайтесь поменьше маячить в окнах. Место здесь уединенное, но все равно. Примите душ, переоденьтесь, если нужно. Насчет завтрака я уже распорядился. Все люди, находящиеся в здании, надежные, им можно доверять. Их немного.

Горничная Екатерина Черемых, повариха Глафира, водитель Акулов. Также старший лейтенант Тимашук – это человек в штатском, который вас впустил. Сторож, садовник, привратник – все в одном лице. Не люблю раздутые штаты. – Малютин поморщился. – Стараюсь свести их к минимуму. Но положение, как понимаете, обязывает... В целом тут безопасно, работает внешняя охрана. Встретите в закоулках незнакомую женщину, не пугайтесь, – Малютин засмеялся, – это моя супруга Анастасия Львовна. Сына оставили в Минске, у бабушки. Позднее представлю вам двух офицеров НКВД... Не надо так негативно реагировать, Максим Андреевич, – подметил он реакцию гостя, – данный вопрос согласован и утвержден. Офицеры для связи нам нужны, люди они надежные. Мы не обладаем, к сожалению, способностями к телепатии и телепортации. Читали Беляева и Толстого Алексея Николаевича? Все, обвыкайтесь, присматривайтесь, скоро поговорим. Да, забыл сказать: в кабинете есть телефон, можете по нему круглосуточно связываться со своими столичными кураторами. Линия безопасная, к ней не могут подключиться немецкие шпионы.

Малютин, слегка прихрамывая, удалился на улицу. Вскоре из ворот выехала машина. Повариха Глафира, вопреки представлению, оказалась невысокой, стройной и отнюдь не добродушной. Сбрось она лет двадцать – смотрелась бы лучше. Сухо улыбнувшись, она подала в столовой завтрак – бутерброды с котлетами, манную кашу.

Виктор Буторин во франтоватой замшевой безрукавке увлеченно играл сам с собой в маленькой бильярдной комнате. Монотонно стучаясь друг о друга, шары валялись в лузу.

– Приветствую, Максим Андреевич. – Он отложил кий и протянул руку. – Разминаюсь, так сказать. Хотел ударить пару раз, но увлекся...

– Во внутренней тюрьме таких развлечений не подавали, – усмехнулся Максим. – Сами летали, как эти шары... – Он поморщился: ведь дал же себе зарок забыть о прошлом, не держать обиды!

– Это верно, – смущенно улыбнулся Буторин. – Прочие удовольствия были в избытке, а вот этого не было...

– Добрался без происшествий?

– Так точно, – кивнул Буторин. – На патруль нарвался – перекресток оживленный, из-за угла вывернули – и сразу на меня. Не в драку же бросаться. Все в порядке, документы проверили, отпустили. Наши где-то заплутали, не видать их еще.

– Кажется, подтягиваются... – Максим вытянул шею, прислушался. Издалека доносились знакомые голоса. Сосновский и Коган беседовали с Екатериной. Буторин неохотно расстался с кием, мужчины покинули бильярдную.

Вся компания была в сборе, крупных происшествий по мере выдвижения не отмечено. Все в гражданском, бледные, напряженные, еще не отошедшие от потрясений последних месяцев, но уже – другие люди. В глазах решимость, пле-

чи распрямились. Козырять было глупо. Мялись, застенчиво посмеивались, обменивались рукопожатиями. Не остался без внимания взгляд Екатерины Черемых: женщина явно знала, что за публика собралась в доме первого секретаря.

– Все на завтрак и по комнатам, – распорядился Максим. – Помыться, побриться, привести себя в порядок. По возможности отдохнуть. Быть готовыми через полтора часа. Михаил, ты когда успел барахлом обрести? – Он с насмешкой уставился на увесистый чемодан Сосновского. Хотел добавить: «Ведь четвертый день как из камеры», – но вовремя прикусил язык.

– Да вот, прикупил кое-что, Максим Андреевич... – щеки парня покрылись румянцем. – Из одежды, из еды на черный день...

«А у нас ведь нет дома, – мелькнула мрачная мысль, – ни родных, ни жилья, ни прошлого с будущим. И сами мы никто и звать нас никак, какой смысл в этих личных вещах, если в любой момент можем загнать обратно?»

– Намекает он нам, Максим Андреевич, – оскалился Коган, – что жизнь – не самая плохая штука.

Разошлись – кто в столовую, кто по комнатам. На лестнице Максим столкнулся с женщиной – и действительно чуть не испугался! Стройная, в длинном платье, с распущенными волосами – особа не первой молодости, но весьма грациозная и женственная. У нее было мучнистое лицо, сразу подумалось о ее здоровье. Максим учтиво поздоровался, да-

ма кивнула. Возможно, пребывание посторонних на своей территории ее не радовало, но перечить мужу она не могла. Впрочем, сперва бегло глянув на гостя, она взглянула на него еще раз – уже с оттенком заинтересованности.

– Анастасия Львовна? – тактично склонил голову Шелестов. – Здравствуйте и – всяческие извинения за причиненные неудобства. Павел Егорович о вас рассказывал.

– Правда? Много? – Дама остановилась, пытливо вглядываясь в глаза собеседника. У нее было приятное лицо, если не замечать скопления мелких морщинок.

– Нет, совсем немного.

– Хорошо. – Она кивнула. – Никаких неудобств, товарищ. В этом доме всем ведает Павел Егорович, на меня не обращайтесь внимания. Вы выглядите усталым.

«Да, устал немного за последние полгода», – подумал Шелестов.

– Дальняя дорога, Анастасия Львовна. Всего вам доброго. – Он раскланялся и направился наверх, в отведенную ему комнату.

Комната была небольшой, уютной, с одноместной кроватью и отдельной душевой. Шкаф, два стула, репродукция картины Шишкина. На шкафу почему-то валялся пыльный буденовский шлем с нашитой звездой.

Он яростно оттирался под душем, облачался в чистую одежду. Спать не стал, хотя на тумбочке стоял громоздкий будильник. Потом мялся у окна, не трогая занавески, – в

этом и не было необходимости из-за прозрачного тюля. Высокий забор отгораживал улицу. Деревья над оградой закрывали соседнее здание – виднелась только крыша с непрозрачным слуховым оконцем. В плане безопасности его все устраивало.

Часть двора, беседка, пространство перед воротами. По свободному пятаку прохаживался старший лейтенант Тимашук, курил папиросу и стряхивал пепел на клумбу.

На крыльце возникла Екатерина Черемых. Спустилась, прошла на летнюю кухню, демонстративно не глядя на старшего лейтенанта. Тимашук бросил папиросу, раздавил ее носком ботинка, уставился отсутствующим взором на покачивающиеся бедра женщины.

Появилась Глафира, Екатерина едва не столкнулась с ней в дверях кухни. Разминулись, обменявшись сухими улыбками.

Максим покурил в форточку и отправился вниз искать кабинет первого человека в городе.

Телефонная линия работала безукоризненно. Майор ГБ Платов в этот час был на месте, лично принял доклад о прибытии группы в район выполнения задания.

– Хорошо, Максим Андреевич, постарайтесь и дальше без инцидентов. Все инструкции получите от Малютина. Повторяю: вы не должны засветиться. Вы помощники первого секретаря горкома – водители, курьеры, порученцы, мальчишки на побегушках – и никто другой. Вы штатские лица. В ар-

мейские структуры – ни ногой, действовать только через посредников или офицеров связи – людей Малютина.

– Я понял, товарищ майор.

– Желаю удачи. Докладывайте каждый день. Будет повод – звоните чаще.

Шелестов плавно опустил трубку на рычаг, задумался. Со стены в кабинете добродушно смотрел отец народов, а также вдохновитель и организатор эпохальных побед. Рядом – портрет поменьше, Лаврентий Павлович Берия. Цепкие глаза за стеклами пенсне – мороз по коже. Этот взгляд он уже знал, даже ретушь и мастерство портретистов не могли его умалить. «Ошибочка вышла, Пал Егорович, – возникла интересная мысль. – Почему в кабинете первого секретаря горкома висит портрет наркома НКВД, а не тот же, например, товарищ Пономаренко? Дисциплинирует и заряжает?»

Из оцепенения его вывел шум на улице. Лязгнули створки ворот, во двор въезжала машина товарища Малютина...

В гостиной было тихо – двери и окна закрыты. Из сада доносились отрывистые звуки – водитель Акулов, плешистый и сутулый, запускал мотор на холостом ходу. Слышался голос Екатерины – женщина участвовала в процессе наладки двигателя (есть такие женщины). Далеко на кухне звякала посуда.

Члены группы сидели на кушетках, готовые к серьезному разговору. Малютин исподлобья разглядывал присутствующую

щих. Первый секретарь был умным мужиком, не любил впустую тратить слова, все понимал и полностью владел ситуацией. Кто перед ним, он тоже знал. Но мысли человека на лбу не написаны. Что он думал о присутствующих? Матерые враги народа? Оступились, дали слабину, пошли на поводу у зачинщиков фашистского заговора и теперь получили шанс искупить свою вину? Невиновные, попавшие под молох, те самые щепки после рубки леса?

Видимо, так и думал. Глупца «смотрящим» за опасным районом товарищ Берия не поставит. Малютин немного поколебался, открыл выдвижной ящик и вынул тонкую стопку серых книжек. Перетасовал их, как колоду карт, бросил на стол.

– Подходите по одному, товарищи, забирайте. Прежние документы уничтожьте в обязательном порядке, они не соответствуют новым. Это подлинные удостоверения, с фотографиями и всеми печатями. Прибыли авиапочтой. Вы – сотрудники городского комитета ВКП(б), помощники по особым поручениям вашего покорного слуги, о чем имеется особая бумага, вложенная в каждый документ. Документы, повторяю, подлинные, но под проверки все-таки советую не попадаться. Есть вопросы, товарищ Шелестов?

– Да, один назрел, Павел Егорович. – Максим недоуменно покрутил удостоверение, в котором красовалась его фотография пятилетней давности, изъятая из старого личного дела. – Слишком быстро смастерили, простите... Когда

успели?

– Их заказали неделю назад, – сухо отозвался Малютин. –
Еще есть вопросы?

Оставалось только додумывать. Неделю назад все присутствующие сидели по тюрьмам и не подозревали, что их судьба сделает такой зигзаг. Выходит, устроители акции уже тогда все решили и начали действовать, зная, что не ошибутся? Получается, знали про имитацию расстрела. Или сами же ее санкционировали – посмотреть, что получится. Это было занятно. Возникало ощущение, что группа офицеров оказалась в руках умелых кукловодов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.